

Нора, или Гори, Осло, гори

Автор:

[Юханна Фрид](#)

Нора, или Гори, Осло, гори

Юханна Фрид

Когда твой парень общается со своей бывшей, интеллектуальной красоткой, звездой Инстаграма и тонкой столичной штучкой, – как здесь не ревновать? Вот Юханна и ревнует. Не спит ночами, просматривает фотографии Норы, закатывает Эмилю громкие скандалы. И отравляет, отравляет себя и свои отношения. Да и все вокруг тоже.

«Гори, Осло, гори» – автобиографический роман молодой шведской писательницы о любовном треугольнике между тремя людьми и тремя скандинавскими столицами: Юханной из Стокгольма, Эмилем из Копенгагена и Норой из Осло. Причем треугольнике, который существует только в голове самой Юханны. Эта книга о разрушительной силе ревности, проблеме недоверия в паре и праве на свободу личности.

Юханна Фрид

Нора, или Гори, Осло, гори

Johanna Frid

Nora eller Brinn Oslo brinn

Copyright © Johanna Frid 2018

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2021

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
Издательство «Синдбад», 2021

Отзывы

История о судорожных метаниях души и культурных различиях, рассказанная с особой, мрачной веселостью и яркими подробностями.

Sveriges Radio

Эта книга – утешение для каждого, кто знает, что такое ревность и чувство внутренней пустоты...

Dagens Nyheter

Блестящий, поэтический язык и трагикомический сюжет завоевывают читателя с первых страниц.

Hufvudstadsbladet

Чтобы соединить в одном тексте юмор и описание не слишком веселых событий, требуется особый литературный дар. Ясно, что это начало блестящей писательской карьеры.

Expressen

Я так много всего сказал,

Но это не помогло.

Томас Тидхольм, Смысл (2001)

1

Мой язык в твоих устах

Все началось с фотографии.

Дело было дождливым июльским вечером. Мы с Эмилем паковали вещи. На следующий день мы собирались сесть на поезд и отправиться в Оденсе к родителям Эмиля. Я нервничала и не знала, куда себя деть. К этому добавлялась ноющая боль в боку. Пару недель назад врач сообщил, что у меня неопасная киста в яичнике. Эта информация не давала мне покоя. Как и предстоящая поездка. С родителями Эмиля я уже виделась, но всего несколько раз, когда еще почти не говорила по-датски. Теперь я понимала датчан намного лучше, но отвечала по-шведски, что вгоняло их в ступор. Я не знала, чего ждать, как себя вести, даже какую одежду взять с собой. Эмиль сидел перед компьютером, за окном шумел бульвар Амагер, озаряемый синими проблесковыми маячками. Копенгаген, как и всегда, поскрипывал под непрерывными порывами ветра и потоками дождя. Кое-как сложив одежду в сумку, усталая, я уставилась на синий кардиган, погрузившись в мысли о кисте и родителях Эмиля. Что, если на самом деле они меня ненавидят?

Эмиль вырвал меня из оцепенения, позвав взглянуть на экран компьютера: в «Политикен» вышла возмутительная полемическая статья о путях датской поэзии. Прочитав ее, я уже хотела поделиться впечатлениями, как вдруг заметила в углу экрана новое уведомление от Фейсбука. Сообщение с черно-белым фото профиля. Девушка на снимке просто светилась, это видно было даже по крошечной иконке. На вид лет двадцать. На фотографии было только ее лицо: скулы, веснушки и ослепительная улыбка. Девушку могли бы звать

Сюннэве, Венке или Рагнхильд, но у нее было самое обычное имя – Нора. Нормальное норвежское имя.

Меня словно обухом ударили. Из головы вылетело все, что я собиралась сказать о литературном критике «Политикен» Лилиан Муне Рёссинг. Внезапно я болезненно остро ощутила свое тело, свои руки. Нора была бывшей девушкой Эмиля. Я не знала, что они продолжают общаться. Щеки горели. Язык не слушался, меня охватил жгучий стыд. Я что-то пробормотала, не подавая виду, что только что увидела нечто красивое и очень личное. Внутри меня все пришло в движение, формируя новый, незнакомый ландшафт.

С Эмилем мы познакомились примерно год назад и несколько месяцев спустя стали k?rester. Со временем мы начали лучше понимать друг друга, несмотря на языковой барьер. Приходилось не просто узнавать другого человека и учить другой скандинавский язык, но и понимать, как этот конкретный человек изъясняется на своем скандинавском языке. Датский Эмиля постепенно становился понятнее, его шведский тоже улучшился. Во время нашего знакомства – солнечным сентябрьским днем на скамейке – я не могла разобрать ничего. Я добрых полминуты просто сидела и курила, прежде чем поняла, что Эмиль просит одолжить lighter. Мы вместе учились, и я чувствовала себя полной идиоткой, оттого что не могла вычленить ни единого слова из его речи. В первый день учебы, когда Эмиль разговаривал с другим датским студентом, я просто перестала вслушиваться. Это было еще хуже, чем звуки радио, настроенного между волнами. Скорее походило на попытку что-то разобрать в кофейной гуще или пропустить рис через слишком мелкий дуршлаг. Эмиль год прожил в Швеции и имел кое-какие поверхностные познания о шведском: он был способен расшифровать смысл предложения, но не улавливал деталей (однажды на паре он подчеркнул слово «шишка» и прошептал по-датски: «Что это значит?»). Хотя другие студенты тоже испытывали трудности с коммуникацией, Эмиля и его земляка это, казалось, не беспокоило. Наверно, им достаточно было того, что они понимают друг друга. Или отделяющая их пропасть оказалась слишком широкой. Как бы то ни было, Эмилю во время наших перекуров было проще понимать меня, чем мне его, так что в нашей беседе возникал странный перекосяк. Тогда я впервые столкнулась с выражением лица, которое, как выяснилось позже, было стандартным при встрече двух скандинавов: парализующий ужас и отчаянное стремление скрыть, что ты ничего не понимаешь.

Большинство просто ждали, пока языковой барьер и замешательство разрастутся, а разговор утечет в песок. Но в тот раз я с триумфом протянула Эмилю зажигалку. В конце концов, по-английски зажигалка тоже lighter. Научиться понимать датский было волевым решением. Выяснилось, что взаимопонимания между соседними народами вообще-то не существует: мне потребовались гугл-переводчик, много труда и долгие переводческие дискуссии с другом Петтером, давно уже живущим в Копенгагене. Той осенью мне и в голову не приходило, что в том, чтобы учить язык ради другого человека, есть нечто романтическое. И в идеалистическом понимании – как попытка понять мир другого человека; и в бытовом – все равно что преподнести цветы или разгрузить стиральную машину. Нечто конкретное и одновременно символическое. Несмотря на то что датский и шведский объединяет близкое родство, они очень не похожи фонетически и в них сильно различаются самые употребимые слова и строение предложений. Иначе говоря, учить соседний скандинавский язык – занятие амбициозное. Но не влюбленность подтолкнула меня углубиться в эти различия. Не было никакой особой причины, просто я внезапно ощутила в себе решимость. В декабре я сочла свой датский достаточным для того, чтобы встретиться с Эмилем тет-а-тет. Он приезжал в Стокгольм на пару дней по учебе, и мы договорились выпить пива. По имейлу он предложил обмениваться записками, если устное общение не пойдет. В рождественские каникулы имейлы стали длиннее, а ветреным днем в начале января мы снова встретились в Копенгагене. Наши отношения развивались в такт с моим освоением датского. В марте я уже слушала программу о литературе датского радио P1, а Эмиль спросил, встречаемся ли мы.

И вот на дворе июль. В августе Эмиль планировал переехать в Стокгольм. Три месяца для отношений – это недолго, но достаточно, чтобы возникло ощущение чего-то прекрасного и устойчивого. Подруга говорила, что Эмиль смотрит на меня влюбленными глазами. Сама я этого не замечала, но порой в его взгляде действительно проскальзывало что-то подобное. Я полностью доверяла Эмилю, настолько, что сама себе удивлялась.

Но фотография Норы это доверие пошатнула. Я извинилась и заперлась в туалете. Там я долго сидела на унитазе с опущенной крышкой и разглядывала плитку. Лицо горело, сердце колотилось как безумное. Я была жутко зла и в полном смятении. Насколько хорошо я знала Эмиля? Я знала, что он верен своим друзьям, что он заботливый брат для своих сестер, что он сочиняет стихи с трогательной старательностью. Эмиль был добрым, вежливым, воспитанным, но было в нем что-то еще, какая-то другая сторона... Когда мне удаляли зуб мудрости пару месяцев назад, я написала ему, что мне хочется кричать от боли.

Он ответил: «Кричи». Почему-то этот ответ показался мне странным. И очаровательным.

Но что мне на самом деле было о нем известно? В моих глазах он ослепительно сиял. Мне не удавалось разглядеть его как следует.

2

Это мое место!

На следующий день мы вовремя сели в поезд. Погода резко переменилась. Теперь Данию накрыла горячая волна: температура поднялась намного выше тридцати. Жара давила на землю, сотрудники «Датских железных дорог» раздавали бутылки с водой, возводя таким образом островок надежности среди этого светопреставления. Эмиль читал книгу Гофмана, на вид невыразимо скучную. Я рассеянно листала «Улисса», размышляя, что этот том может пригодиться, когда потребуется подпереть стол или придержать окно.

– Вы часто общаетесь? – неожиданно выпалила я без всяких прелюдий.

Эмиль оторвался от книги. Вид у него был такой, словно он всерьез подумал, что я имею в виду Мышиного короля Гофмана. Нет, не так уж и часто, может, раз в месяц.

– Вы с Норой, – сказала я и нагнулась к сумке, движимая непреодолимым желанием занять чем-то руки.

– Нет, – ответил он.

Рядом сидела пожилая пара; он разгадывал кроссворд, она – sudoku, оба без особого энтузиазма. Люди в вагоне обливались потом. Он скапливался в подмышках, над верхней губой.

– Она ведь живет в Осло, – произнес Эмиль так, словно это все объясняло. «Осло» прозвучало как «Осле». «Она ведь живет в Осле», – перевела я.

Я не стала упоминать о белых зубах, светлых волосах и даже о потрясающих глазах, но не могла не сказать, что видела ее сообщение. Ненарочно.

- Так случайно получилось.

Эмиль нахмурился.

- Мы иногда переписываемся. И созваниваемся. - Как и всегда, он говорил со мной по-датски.

Голос его звучал спокойно. Мои наглые расспросы его не смутили. Я ждала продолжения, но Эмиль молчал. Я внезапно ощутила себя заурядной и очень, очень нелепой. Эмиль шумно перевернул страницу Гофмана.

Но фотография Нора не была заурядной. Она оставалась во мне, она жгла и трепетала на ветру, словно флаг. Я смотрела то в окно, то на пожилую пару. Книга выскользнула у меня из рук. Улыбка, локоны, губы. Я пыталась собрать воедино все, что знала о ней, - обрывки разговоров, случайно оставшиеся в памяти подробности. Она работала в детском саду. Hun k?bte t?j for sin l?n[1 - Покупала одежду на свою зарплату (дат.).].

Эмиль сидел уткнувшись в книгу.

Мне было известно, что они встречались около года, что Нора на несколько лет младше нас и что познакомились они в университете в Копенгагене. После того как Эмиль получил место на курсе шведского (несколько недель он был в листе ожидания), они перестали планировать совместную жизнь в Копенгагене, и Нора переехала к отцу в Осло. Предполагалось, что Эмиль переедет следом за ней, но внезапно Нора разорвала отношения, объяснив это тем, что «хочет путешествовать». Эмиль рассказал мне эту историю зимой во время прогулки вокруг гавани Орставикен, и меня немного насмешило, что он так сердится, а она ведет себя так инфантильно.

Но теперь мне было не до смеха.

Мы проехали уже половину пути. Судоку-пара вышла в Слагельсе. Мы переехали через мост, где когда-то маршировал Карл Десятый Густав - хотя нет, в те

времена моста еще не было. Эмиль рассказывал, что еще в девяностые с Зеландии на Фюн можно было попасть только по воде. Мы пересекли границу, проехав по мосту Большой Бельт. Внезапно у меня возникла мысль: куда я денусь, если все пойдет не так? Эмиль каждое лето неделю проводил в доме родителей, пока те отдыхали на курорте в Ютландии. И обычно брал с собой свою k?reste. Два лета подряд он ездил с Норой, первый раз – во время их романа, второй – через несколько месяцев после разрыва. В последний они устроили себе секс-каникулы, которые закончились для Эмиля болезненными мочеиспусканиями, зудом и диагнозом «хламидии» (Нора уже успела насладиться ночной жизнью Осло).

Теперь была моя очередь любоваться Оденсе в летнем уборе и добавить еще один флажок к скандинавской гирлянде Эмиля. Я гадала, собирается ли он увенчать гирлянду финским треугольничком, но воздерживалась от расспросов. Сиденье было липкое от жары, но мне нечем было его вытереть: все пропиталось водой и потом. Поезд несся вперед. О Дании я не знала ничего. Что делать в чрезвычайной ситуации? Звонить 911? Что, если у меня украдут кошелек и мобильный? Как я вернусь домой? Что, если я попаду в автомобильную аварию? Пойдут мои органы на донорство или нет? Или меня просто кремируют? Эмиль отложил книгу.

– Она скоро приедет в Копенгаген.

– Вы увидите. – Это не был вопрос. В горле у меня стоял ком, напоминая, как в детстве каждый воскресный вечер меня тошнило из-за страха перед первым уроком в понедельник – физкультурой.

– Да, – ответил он. И повел плечами. Не небрежно, а равнодушно. Они встретятся и будут говорить о прошлом, о том, чем каждый сейчас занимается, наверстают упущенное. Он собирался мне сказать, но, должно быть, забыл.

– Но теперь ты знаешь.

Теперь я знала.

Я сидела и размышляла.

Что я тут делаю? В этом поезде, с этим человеком, внезапно превратившимся в незнакомца. Просто чье-то тело. Мужчины такие большие. Большие руки, большие ступни. Их тела способны опрокидывать вещи и причинять более серьезный вред. Он мог бы ехать с Норой. Она могла бы сидеть здесь на моем месте со своей гладкой норвежской кожей. Здоровый экземпляр с чистыми внутренностями. С высокой резистентностью. Она бы болтала с ним на своем певучем Осло-диалекте (ослином диалекте?). Ее бы эта поездка не вывела из равновесия. Она уже проделала это два лета подряд. Нора, раскрой свой секрет! Как соперничать с победителем? Двукратным чемпионом? Мое лицо не могло составить ей конкуренцию. Его отсеяли бы в отборочном туре. Раз она все равно собиралась в Копенгаген, то могла бы ехать прямо в Оденсе. Появилась бы в проходе вагона и вежливо сказала по-норвежски: «Простите, мне кажется, вы заняли мое место». Думаю, я бы вскочила без промедления. Я снова вызвала в памяти ее лицо на фотографии и попыталась определить, что именно порождает это ощущение тяжести на сердце. Картину можно разобрать на кусочки – пиксель за пикселем. В ней должно быть что-то, что поможет ее обезоружить. Решающая деталь, стоит которую вынуть – и все развеется по ветру. Пуфф. Просто дым, галерея зеркал. Но у меня ничего не вышло. Я не могла найти недостающее звено. А поезд тем временем прибыл в Оденсе.

3

Леса зеленее, кроны ценнее

Оденсе оказался обычным маленьким хмурым городком с малоэтажной застройкой. Совершенно чужим. Когда мы вышли на перрон, асфальт оказался раскаленным – он долго поджаривался на солнце. На мгновение я была близка к тому, чтобы схватить сумку и запрыгнуть в поезд, уходящий в обратном направлении. Но там позади тоже ничего не было. Я находилась нигде. Сесть к отцу Эмиля в машину казалось так же невысказанно, как и попытаться вернуться в Копенгаген. Мне не на кого было опереться. В страхе, что упаду, я пошла к скамейке. В руках у меня были сумки, так что я могла разбить лицо. Все тут было незнакомым. Внутри, снаружи. Я чувствовала, что теряю равновесие. Моя подруга Нарин любила говорить: «Если стоишь в яме, перестань копать». Абстрактный совет, трудно применимый на практике. Что тут яма, что – лопата, что – я?

– Я хочу домой, – сказала я.

Эмиль зажег сигарету. Вид у него был грустный. Он сказал, что все хорошо.

– Давай сядем?

Мы закурили. Эмиль поделился со мной своими голубыми «Кингс», царапающими горло. Мне хотелось лечь на горячий асфальт. Вскоре Эмиль начал показывать мне здания: недавно построенный пешеходный мост, вокзал, в котором показывали кино, церковный шпиль. Позвонил отец Эмиля – сказал, что подъезжает к станции. Мы поплелись по мучительной жаре на парковку. Видимо, близился дождь.

Нора оставалась со мной весь вечер. В машине, пока Эмиль с отцом неспешно болтали, а я разглядывала в окно ипподром; на экскурсии по саду (клубника, виноград в теплице); в доме – таком чистом, датском, успокаивающем. Ханне и Свен показали мне запасной велосипед для гостей. Я положила руку на седло и почувствовала, что она здесь сидела. Веснушки, губы, локоны. И разумеется, задница. В ушах гудело.

Мы сели ужинать в доме, и вскоре начался дождь. Крупные тяжелые капли и датский ветер. Раскаты грома. В компании родителей Эмиля гул в голове стих. Мать рассказывала о детях в детском саду. Они с Эмилем были похожи, и мне нравилось смотреть, как они болтают, нравились их голубые глаза за стеклами очков. Ханне и Свен оказались дружелюбными и ненавязчивыми. Они рассказывали о предстоящей поездке в отель «Свинеклёв» – курорт на морском побережье. Стол покрывала финская скатерть с узором из крупных цветов. Ради меня приготовили вегетарианский ужин. На десерт подали датские булочки – Эмиль рассказал родителям, что я их обожаю. Симпатичная семья с двухэтажным коттеджем и машиной. При взгляде на них я чувствовала щемящую нежность и покой; так бывает, когда гладишь крольчонка.

Почему-то меня удивило, что родные края Эмиля выглядят так. Я познакомилась с ним в такой обстановке, где он казался датчанином до мозга костей, немного бунтарем. И от его дома я подсознательно ожидала чего-то другого, более сурового. Но Дания – это не только традиционные коричневые трактиры, где позволено курить, и строители, пьющие «Туборг» на завтрак. Не только сквоттеры на Нёрребро, старые тетеньки с сигарами «Черутти» и безумная

улыбка Пиа Кьерсгор. Коттеджный поселок Solskinsh?jen, то есть «Солнечный холм», был словно картинка из детской книжки. Рядом находились луга для выпаса лошадей, большой ипподром, лиственный лес.

С одной стороны, мне казалось странным, что Эмиль вырос в таком месте. С другой – все встало на свои места. Эмиль был таким цельным, что делился своей цельностью с окружающими. Он не допустил бы, чтобы я упала на перроне и разбила лицо. Разумеется, нет. Мне хотелось, чтобы ужин длился вечно, хотелось купаться в этом теплом желтом свете, к которому Нора не имела никакого отношения. В котором ей не было места. Там сидела я. Я и никто другой. К сожалению, ужин закончился, и мы поднялись в спальню. И снова в голове начало гудеть. Бум-бум – звучало внутри. Звук проникал в уют, в желтый свет лампы, впуская внутрь колючую тревогу. Холодный привкус во рту. Эмиль сказал, что я могу уехать, когда захочу.

– Ты не обязана здесь оставаться, если тебе некомфортно, – сказал он.

Без тревоги в голосе. С легким зевком на конце. Я ощутила панику. Ведь так Кьеркегор определял ангст? Страх, который нельзя выразить словами?

Мы легли спать. Постельное белье пахло свежестью.

– Godnat, – пожелал он мне спокойной ночи и поцеловал. – Я правда рад, что ты поехала со мной.

И закрыл глаза.

После того как Эмиль заснул, я еще долго лежала, зажав телефон в руке, и разглядывала Нору. Я пялилась на экран, пока перед глазами не замелькали черные точки. Какой странной была Норвегия. В глазах Норы таились сосны и горные вершины. Нефтяной фонд и равнодушие к политике Евросоюза. Густые брови красивой формы. Казалось, она не накрашена. Глядя на фото Норы, я остро ощущала собственные черты лица. Щеки распухали, рот кривился. Портрет был дорожным указателем, стрелкой, направленной в сторону Норвегии, но и в мою сторону тоже. На мое уродливое лицо. Когда я смотрела на Нору, мое уродство становилось невыносимым. Я никогда не была красавицей, даже симпатичной меня можно было назвать с трудом, но сейчас все стало еще хуже. Лицо Норы искажало, деформировало мои черты. С таким лицом жить

нельзя. Его надо спрятать от глаз людских. Сама я бы никогда не отважилась так прямо смотреть в камеру. Я предпочитала позировать вполоборота. Так проще придать взгляду смелое, здоровое выражение.

Я понимала: что бы я ни делала эту неделю и всю последующую жизнь, мне никогда не стать такой, как Нора. Веснушки, волнистые волосы, четко очерченные губы, изящно изогнутые брови, открытая, простодушная улыбка. Все это не про меня. Внутри меня одно дерьмо. Дерьмо и Норвегия. И желание нацепить на голову бумажный пакет.

Нора сливалась со своей страной, ее портрет был точнее любой карты. Это была картина иных географических возможностей со всеми вытекающими последствиями. Иная жизнь. Снег. Чистый белый снег. Горные лыжи. Здоровая жизнь, богатая, полноценная. Крепкие норвежцы на лыжне. Красные щеки. Я не умею кататься на лыжах. В школе меня не учили. Пытаясь войти в эту картину, я поскользнулась на тонком льду. В Норвегии все было как дома, но лучше. Леса зеленее, кроны ценнее. Было так мучительно представлять себе эту сияющую картину, но я не могла ее прогнать. Я приняла решение: я не хочу продолжать отношения с Эмилем, если он увидится с Норой в Копенгагене.

4

Они познакомились в детском саду

На следующее утро я проснулась разбитой. Мы с Эмилем проводили родителей в отпуск на любимый морской курорт. Это была любопытная рокировка. Накануне они встречали нас на крыльце, сегодня мы их провожали. Теперь мы оказались в роли взрослых. В утреннем свете все выглядело нормальным. Нам предстоял осмотр достопримечательностей. В Оденсе находились собор, зоопарк, дом, где родился Ханс Кристиан Андерсен. Мы поехали на велосипедах в центр города, где стояли низкие дома, а мальвы тянулись вдоль шершавых белых стен и желтых фасадов. По дороге обратно мы проехали единственный в городе порнокинотеатр. После полудня, когда солнце стояло высоко в небе, гул вернулся. Пока мы катались на велосипедах и ели итальянское мороженое, я не помнила про данное себе накануне обещание. Но чем ближе к вечеру клонился день, тем настойчивее становились мысли о Норе. Все сложнее было

перекричать этот гул. И когда я устроилась на диване, положив голову Эмилю на колени, меня прорвало:

– Зачем тебе с ней встречаться?

Вопрос просто выскочил из меня, словно кислая отрыжка.

– Мы давно знаем друг друга. Просто чтобы узнать, как идут дела и все такое.

– Разве вы не обсудили это по телефону?

– Да, но было бы здорово встретиться лично.

Что было хуже – ответ или неизвестность?

– И о чем вы собираетесь говорить?

– О разных вещах. Может, о фильмах...

– Она синефилка?

– Не понимаю, что ты имеешь в виду, Юханне.

Даже мое имя он не всегда произносил правильно.

– Почему ты хочешь с ней встретиться?

«У тебя же есть я», – хотелось мне добавить. Я знала, что это ребяческое рассуждение. Я вела себя как глупая сопливая четырехлетка в растянутой футболке.

– Я давно ее знаю, она много для меня значит.

Я уже не лежала у Эмиля на коленях. Я стояла возле элегантного стола работы Алвара Аалто – или на что там родители Эмиля выставили своих винтажных деревянных обезьянок – и почти перешла на крик:

- Если тебе так необходимо с ней увидиться, почему бы вам не сойтись снова?

И я убежала вверх. Если бы жизнь была фильмом, то на этом месте режиссер отрезал бы пленку. Но это был не фильм, так что мне пришлось громко рыдать, лежа в одиночестве на кровати - на кровати, где раньше лежала Нора, и, возможно, скоро будет лежать снова. Мне было так чудовищно больно. Безымянная боль терзала горло, глаза, грудь, кулаки, перед глазами стояла чернота. Каждое «нет», каждый отказ, каждая разлука, пережитые в прошлом, разливались по моему телу. Я не могла противиться. Мне просто не хватало сил. Разве может Эмиль любить девушку, которая неудержимо рыдает, распростершись на кровати? Избавь меня от этих нечеловеческих страданий, сказала бы мое тело, умей оно говорить. Но оно не умело. Эмиль не поднялся ко мне в комнату. Я слышала, как он включил телевизор. Может, мне просто показалось, но звуки напоминали интро к датскому сериалу «Матадор».

Когда Эмиль наконец пришел и лег в кровать, я уже успокоилась. Мне было стыдно. «Jeg elsker dig», - прошептала я. Он ответил, что тоже меня любит.

- Чего ты боишься? - спросил он. Так мог спросить только человек, выросший в районе под названием «Солнечный холм».

- Мне так больно, - сказала я вместо ответа.

- Мы только выпьем кофе и поболтаем. Ничего особенного.

- Но зачем тогда встречаться? Нельзя без этого обойтись?

- Затем, что мне хочется.

У меня сперло дыхание. Почему ему так сильно хочется? Почему ему так нужна фика[2 - Фикой в Швеции называют обычай пить кофе с булочками в середине дня.], если в Дании даже нет такой традиции?

- Я не понимаю, почему ты так остро реагируешь. Ты боишься, что мы переспим? В этом дело?

Мысль о сексе мне даже в голову не приходила. Секс был только частью чего-то всеобъемлющего, куда более интимного, чем физическая близость. Если две души соединятся на Hovedbaneg?rd, Центральном вокзале Копенгагена, то, скорее всего, они будут стремиться и к телесному воссоединению. В номере отеля, например. Я обожала Hovedbaneg?rd, романтичный и сулящий приключения, как европейские вокзалы, его модернистскую архитектуру и высокие своды. Один поезд отделяет тебя от континента. Заметить в людской толпе знакомое лицо, среди запахов сосисок, аромата булочек, гандболистов-юниоров, собирающихся на соревнования, и крепких датских тетушек, ожидающих поезд на Вейле, – посреди всего этого сияет Нора. Только ее фигура не размыта.

Дело тут совсем не в сексе. И я не понимала, почему бы им не заняться сексом. Да и как можно встретиться с Норой и не переспать с ней? Мне даже стало жалко Эмиля. Я понимала всех, кто к ней приближался. Я не знала, как она выглядит без одежды, но не сомневалась, что у нее прекрасное тело. Стройное. Сильное. Полное жизни.

– Не знаю, – ответила я. – Секс? Ты собираешься с ней переспать?

Эмиль вздохнул с таким видом, словно устал объяснять, что квадратный кирпичик не влезет в круглое отверстие.

– Мы много времени провели вместе, мы с Норой. Это не имеет к нам с тобой, – он коснулся моей руки, – никакого отношения.

Голос у него был добрый. Но Эмиль забыл, что Норе всего двадцать два. Как они могли много времени провести вместе? Они же не в детском саду познакомились. Я попыталась привести мысли в порядок, но слезы сами хлынули из глаз. Из меня не шли никакие слова, только лились слезы и сопли.

– Но если ты любишь меня, – всхлипывала я, – то почему хочешь с ней встретиться?

Я и сама слышала, как глупо это звучит.

– К тебе это не имеет отношения, Юханна.

– Почему ты мне тогда рассказываешь, раз это не имеет ко мне отношения? Чего ты от меня хочешь? Чтобы я дала разрешение на встречу?

– Я пытаюсь уважать твои чувства и прислушиваться к твоему мнению, но...

– Но? И почему тогда ты этого не делаешь? Неужели ты не видишь, что причиняешь мне боль этой встречей? Неужели оно стоит того? Неужели этот кофе с Норой стоит того?

Я не понимала, откуда выскочили эти слова, но знала, что они оказались решающими. Я перешла Рубикон. Или, если быть географически точной, пролив Большой Бельт.

– Если ты встретишься с ней в Копенгагене, нам лучше расстаться.

Эмиль пристально посмотрел на меня, поднялся и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Я осталась лежать на кровати, накрытой мягкой овечьей шкурой. Я погладила шкуру, но та не хотела ласкаться в ответ. Как я могла такое сказать? Я пыталась спровоцировать Эмиля. Или это не было провокацией? Я плакала в овечью шкуру, пытаюсь понять, почему чашка кофе способна причинить такую боль. Ощущение было такое, словно у меня в груди перемалывают кофейные зерна, а сердце поливают кипящей черной жидкостью. Кофе повсюду, кофе перед глазами, обжигаяще горячий, – я не могла видеть, не могла думать. Только чувствовала стреляющую боль, от которой тело рассыпалось на части. Мне хотелось позвать на помощь, позвонить по 112. Но что я им скажу? Я зашла слишком далеко. Это был блеф? Или я говорила всерьез? Я не знала. Неужели это конец? У меня внутри все содрогалось от этой мысли, словно что-то вот-вот должно было выскочить. Я должна была утратить что-то ценное, что хотела бы сохранить. Но уже в следующий момент все поменялось. Здравый смысл взял верх. Ну и хрен с ним. Пусть будет, что будет. А потом порочный круг мыслей снова пришел в движение.

Бинго!

Летние ночи – пограничное явление, время, когда ни темно, ни светло. Все мерцает в сумеречных тонах синего и серого. Эти ночи не бывают черными. Но для меня сутки четко разделились надвое. Днем по большей части все было нормально: яркое солнце, вкусные булочки, ряды домов, увитых плетистыми розами. Ночью все было иначе. Мир сужался до желтого нимба ночника и мерцающего холодным голубым светом телефона. По крайней мере, для меня. Эмиль засыпал, как только клал голову на подушку. В ту же секунду разрасталось мое одиночество, достигая гигантских размеров. Светлые ресницы Эмиля лежали неподвижно, он дышал ровно и размеренно. Эмиль спал, когда нужно было спать, ел, когда нужно было есть, занимался спортом, учился, писал и читал стихи, когда нужно было заниматься спортом, учиться, писать и читать стихи. Порой его упорядоченное существование казалось мне проявлением зажатости, внутренней лютеранской строгости. А иногда возникало ощущение, будто этот тщательно выстроенный мир может рухнуть, стоит Эмилю хоть раз отступить от привычных правил, – и тогда он будет стоять, потерянно озираясь по сторонам, а в его груди будет колотиться невыносимая тоска. Казалось, его внутренний мир, его чувства были настолько мощны, что требовали жесткого порядка. Что бы он сделал, поменяйся мы ролями? Если бы сидел с зажатым в руках телефоном один в чужом доме в чужой стране? Мог ли он вообще оказаться на моем месте?

У Эмиля не было смартфона: он таскал с собой старый увесистый «эрикссон», который пережил бы даже падение с Круглой башни. Так что он в подобной ситуации наверняка вел бы себя по-другому. Я тогда и не подозревала, что тот вечер положит начало зависимости, которая не покинет меня еще долго, очень долго. Болезненное пристрастие, нервный тик, симптом, место которому в DSM-5. Мне требовалось знать о Норе больше. Я хотела знать все. Мобильный светился в руке.

От Фейсбука пользы не было. Он выставлял вперед преграждающую руку, как полицейский на месте происшествия: разойдитесь, здесь смотреть не на что. Страница Норы была доступна только для друзей. Я не могла увидеть, кто у нее в друзьях, где она работала летом 2005 года (если ей, конечно, было тогда не три года). Эмиль счастливо посапывал во сне, словно собака, которой снится, как она гоняет зайцев по лесу. Был ли он столь же непредсказуемым? Или столь же преданным? Или склонным к побегу? Ответа у меня не было. И я стала искать Нору в Инстаграме. Это была медленная, кропотливая работа – но в то же время

приятная, успокаивающая. Технологический прогресс поражал. Всего несколько лет назад было невозможно так много узнать о частной жизни незнакомого тебе человека. Поисковые функции в приложениях вроде Инстаграма будто созданы для ненавязчивой слежки, но требуют определенного упорства. Такое сочетание имени и фамилии оказалось очень распространенным. Я смотрела на девочек с хвостиками, радостную мать двоих детей из Тромсё, черно-белые снимки гор. Листала фото норвежских флагов, снятых против света, пирожных «яблочные розы» и этих ужасных булочек с кокосом, которые норвежцы называют skolebrød, пока мне в голову не пришла мысль, что, возможно, Нора принадлежит к той жалкой горстке людей, у которых нет аккаунта в Инстаграме. Но нет. Все-таки я ее нашла. Обнаружив нужный аккаунт, я испытала мощную радость первооткрывателя, мне захотелось разбудить Эмиля и прокричать «Ура!». Но, как я уже говорила, у Эмиля смартфона не было, и он едва ли понимал, в чем прелесть социальных сетей. По этой и другим причинам я сдержалась.

Находка была дверью в новое пространство. У мира появился новый горизонт. Как же странно было погружаться в интернет-существование другого человека. Все равно что зайти в комнату, одновременно частную и общественную. Тебя поощряют смотреть, но ты знаешь, что это вторжение. Это как тайком открыть шкафчик в чужой ванной – и стыдно, и волнительно одновременно. Ты не знаешь этого человека с его вагинальными кремами и таблетками от аллергии. Но Нора... В Норе было что-то, требовавшее посторонних взглядов. На одном из селфи она позировала с крошечными трусиками лавандового цвета на голове; они слегка прикрывали ее лоб. Взгляд небрежно-скучающий, как у фотомодели. На другом фото она проделывала то же самое с пакетом мандаринов. Я не могла оторваться от снимков, мое сердце сияло, кровь стучала в ушах. Открывать все новые и новые фото было словно выигрывать в лотерею. Так вот какая она – зависимость от азартных игр! Очевидно, ставки были высоки, но что стояло на кону? Внезапно мне вспомнился пассаж из книги, которую я недавно прочитала. Точных слов я не помнила, но чувство, чувство горело огненными буквами.

Each time I locate something – a detail, a fact, a missing fragment of information – I have the sense of having made a match. Something lights up. Bingo! We have a winner! And for a moment everything is clear, and then just as quickly I am all too aware that still, always and forever, there will be an enormous amount that remains a mystery[3 - Всякий раз, когда я нахожу нечто – деталь, факт, недостающий фрагмент истории, – у меня возникает чувство, будто что-то сошлось. Что-то загорается. Бинго! У нас есть победитель! И на мгновение все становится ясным, а затем так же стремительно приходит осознание, что огромная часть остается и всегда останется тайной (англ.)].

Это фрагмент из автобиографии Э. М. Хоумс *The Mistress's daughter*[4 - Дочь любовницы (англ.)]. В ней рассказывается, как ей впервые написала биологическая мать. Хоумс тридцать один год. Матери нужна пересадка почки. Так писательница узнает и про своего биологического отца. У него есть семья, и все это время он жил всего в нескольких километрах от дома, где выросла Хоумс. Внезапно она оказывается между двух полубезумцев, считающих, что имеют на нее право. У Хоумс есть своя семья, работа. Она в растерянности. Как понятно из названия, биологическая мать Хоумс была любовницей ее биологического отца. Тот был старше ее, женат, владел магазинами одежды, жил в достатке, пользовался уважением в обществе. Тридцать один год спустя Хоумс колеблется перед встречей с ним. Он хочет любой ценой сделать анализ, подтверждающий отцовство, потому что мало ли что там напридумывала любовница. Кто знает, со сколькими она крутила романы. Хоумс соглашается сделать тест ДНК. Согласно результатам теста, Хоумс и яростный сторонник ДНК-анализа являются тем, что люди назвали бы отцом и дочерью. И что ей теперь говорить? «Привет»? Хоумс с отцом начинают как-то общаться. Они изредка встречаются и обедают вместе в отеле. Мать время от времени посылает подарки и постоянно названивает. В ее воображении у нее совсем другие отношения с дочерью, она полна романтических фантазий о том, какими они могли быть и какими должны стать. Хоумс сначала пытается поддерживать отношения ради матери, но потом вынуждена взять дистанцию ради себя самой. Спустя несколько лет биологическая мать умирает из-за отказавшей почки. Хоумс едет к ней домой, чтобы собрать ее вещи и бумаги. У матери обнаруживается множество кукол. И ее дом помогает Хоумс по-новому взглянуть на ситуацию матери в 1961 году, когда той было семнадцать лет. У Хоумс просыпается лихорадочный интерес: стремясь узнать больше о своей биологической семье, она начинает изучать свою генеалогию с помощью интернета. Платит сотни долларов за доступ к сайтам yourheritage.com и lineage.com, роется в архивах и связывается с людьми из Австралии, чтобы узнать, как выглядят ее родственники и чем занимаются. *Bingo. We have a winner*[5 - Бинго. У нас есть победитель (англ.)]. Но что за победитель? И что за приз его ждет?

Я знала только, что Нора для меня загадка. Во время охоты я обнаруживала множество источников информации, ненадежных рассказчиков, второстепенных персонажей, которые пестрели на заднем фоне, громоздясь друг на друга. В Инстаграме можно долистать аж до снимков 2012 года, если знаешь как. Я просмотрела Нориных подписчиков, снимки, на которых ее затегали, и передо мной начал вырисовываться круг ее подружек – отвязных норвежских девчонок.

Благодаря им: Нора в Нёрребро на праздновании дня рождения, перед оперным театром в Осло, с сигаретой в руке, в широких брюках рядом с мотоциклом. Руки унизаны серебряными украшениями, в ушах – тяжелые серьги-кольца. Как у сказочных троллей.

Одну из фотографий я узнала. Точнее, узнала сад за окном спальни, в которой лежала. Снимок был сделан 54 недели назад. Кладка стены и рыжие лилии были точно такими же. Нора стоит спиной к фотографу, одетая в голубое платье – цвет Девы Марии, золотые локоны рассыпаны по плечам. Она вытягивает руку и касается лилий. Кровь кипит. Возможно, не ее кровь. Судя по позе, она спокойна, почти возвышенно-безмятежна. Как ей удастся оставаться такой бесстрастной? Мой взгляд ее не тревожит. Какие бы эмоции ни будила во мне Нора, сама она остается равнодушной к моим посягательствам.

В готическом романе Генри Джеймса «Поворот винта» есть сцена, где рассказчик видит на лестнице призрака, который не дает покоя обитателям усадьбы. Они стоят и смотрят друг на друга. И внезапно рассказчик задается вопросом, кто из них мертв.

6

Потерянный заяц

Проснувшись, я долго лежала и смотрела на Эмиля. Я была рада его видеть – те же черты лица, тот же характерный подбородок. Я заметила, что плачу, и Эмиль проснулся под теплым соленым летним дождем. Я сказала «Прости». Мы еще некоторое время лежали рядом. Киста напомнила о себе болью в районе пупка, невидимая и таинственная. Сильная чистая боль, от которой я старалась абстрагироваться.

Мы катались на велосипедах. Неподалеку петляла сквозь лес небольшая речка. В супермаркете «Нетто» в Далуме мне попало на глаза замороженное блюдо под названием *br?ndende k?rlighed* – «страстная любовь». Красная коробка с невнятным изображением. Я держала ее в руках, преисполненная чувства вселенской значимости. Вот я стою в продуктовом магазине в части мира, которая всего несколько месяцев назад не имела для меня никакого значения, и

держу в руках блюдо с названием на чужом языке, который я только начинала понимать. Торжественный момент, грандиозный. Я показала упаковку Эмилю. Какое-то время мы держали ее вместе. Оба были растроганы до слез, особенно я, а поцелуй, скрепленный «страстной любовью», подтвердил, что мы помирились. Эмиль пообещал, что скоро мы попробуем вегетарианскую версию (блюдо представляло собой картофельное пюре с кусочками бекона). В соседней морозилке лежали коробки с «потерянным зайцем». Не настоящим зайцем: это был мясной фарш, обернутый беконом.

Позже дома мне попалась на глаза сковородка с круглыми углублениями для булочек *bleskiver*. Я заявила, что хочу ее опробовать, и Эмиль объяснил мне, что надо делать. Он смешал муку и соду, а я мелко-мелко накрошила яблоки и посыпала их кардамоном. Мы ели булочки с сахарной пудрой и джемом. Я сказала, что они чертовски вкусные. Эмиль согласился. «Очень вкусные. Может, поэтому их едят на Рождество».

На Рождество. Только на Рождество.

– Но те, что ты приготовила, вкуснее обычных, потому что обычно яблоки в них не кладут.

Без яблок. На Рождество. Я поняла, что совершила ошибку. Большую ошибку. Непоправимую.

В четверг мы пошли в культурный центр в Оденсе посмотреть на датских художников двадцатого века. Большинство из них были мне незнакомы, но я с удовольствием ходила по светлым залам, держась за руки с Эмилем, и разглядывала картины. И хотя многие из них оказались просто кошмарными (гномы оставались популярным мотивом в датской живописи до конца семидесятых годов), в музее все равно было на что посмотреть. Дышать стало легче. Дойдя до последнего зала, где располагалась выставка местных талантов цифровой эпохи, мы разошлись, чтобы закончить осмотр музея самостоятельно. Эмиля я нашла на скамейке с телефоном.

– Идем? – спросила я, присаживаясь рядом и кладя голову ему на плечо. И случайно увидела имя Норы у него на дисплее. Эмиль не пытался спрятать его. Он не был скрытным человеком, не лгал и ничего не замалчивал. Правда ведь? Он не переписывался с ней втайне от меня. Может, это он хотел мне

продемонстрировать?

Я отвела взгляд, боясь увидеть, как за его очками сверкает страсть. Стала смотреть на свои туфли, на стену с белыми афишами. Думала, стоит ли прокомментировать то, что только что случилось, но Эмиль просто выключил дисплей и ответил: «Да, идем». Он поднялся и двинулся к выходу на своих длинных ногах. Я осталась на скамейке. Нора была частью визита в музей. Все это время она реяла рядом. Когда мы держались за руки, когда мы смеялись над картиной с гномами – «гномоискусством», – Нора была рядом. Что-то в легких не давало мне дышать. Разбитое стекло, асбест. Я попыталась прокашляться, но не могла. Эмиль уходил все дальше, не оглядываясь. Хотела ли я последовать за ним? Пересилить себя и добровольно пойти к унижениям и страданиям?

Я оглянулась по сторонам в зале цифрового искусства: экраны и рисунки, вокруг неторопливо прохаживаются люди, равнодушно, наверное, уже в предвкушении мороженого и fl?skesv?r – свиных чипсов. Мне идти было некуда. И я потащилась к выходу. Воздух был отравлен злобой. Удивительно, что посетители музея не задыхались от недостатка кислорода.

Мы ехали домой молча. Облака плыли по небу. Было по-летнему жарко. Мы проехали пастельные домики в узких улочках, большой супермаркет «Фётекс» с парковкой, гранитную мастерскую, специализирующуюся на надгробиях (единственный товар, который всегда будет пользоваться спросом), и остановились на красный свет на большом перекрестке, соединяющем проселочные дороги и шоссе. Покатили дальше мимо отдельно стоящих коттеджей. У дома Эмиля швырнула велосипед на траву. И разразилась слезами. Я рыдала, как рыдают жалкие животные, не внушающие к себе никакого уважения. Как перепуганные ежи и запутавшиеся в рыболовной сети и нефти лебеди. Эмиль открыл дверь и втянул меня в дом. Может, решил, что лучше избавить соседей от этой жалкой шведской мелодрамы. Я с такой силой захлопнула дверь, что та затрещала, – глухой звук заставил меня задуматься, что будет, если я что-нибудь сломаю. Что-нибудь еще, помимо своих отношений с Эмилем и его доверия ко мне. В тот момент я больше переживала по поводу ракушечных и ребристых ваз: не придется ли мне возмещать их стоимость хозяевам? Ханне и Свену с их датскими кредитками, курортными отелями, красивыми детьми. Не придется ли мне склеивать осколки бойсеновских обезьянок?

– Как ты можешь? – кричала я. У меня темнело в глазах. – Как ты мог лгать мне?

– Я не лгал. Нора мне раньше написала.

– И тебе срочно пришлось перечитать это сообщение именно там и тогда?

Это был такой примечательный текст? Эпистола, блистающая поразительными афоризмами, достойными запоминания? Или это было сообщение сексуального характера – насколько это возможно по-норвежски?

– Она тебе чертов порнорассказ послала? – выпалила я. – Признайся! Как будет по-норвежски «отсосать»?

– Не говори так о Норе, – сквозь зубы процедил Эмиль.

– Я говорю что хочу! – с вызовом крикнула я. – Чертова шлюха.

– Прекрати плохо говорить о Норе. Я больше не хочу это обсуждать.

– Так ты не будешь с ней встречаться?

– Я не буду больше ее обсуждать, и ты не вправе решать, с кем мне встречаться.

– Я не хочу говорить тебе, с кем встречаться. Я хочу, чтобы ты не хотел встречаться с Норой.

– Но я этого хочу.

Мы уставились друг на друга. Дом молчал. Обставленный и украшенный заботливыми руками.

Я стояла в дверях на веранду и умирала внутри. Во время ссоры я открыла дверь в сад, чтобы иметь видимость свободы, вырваться из чувств Эмиля и из его родного дома. Ветерок пронесся по дому, создавая сквозняк. Под его действием тяжелая дверь медленно, но неумолимо надавила мне на пальцы.

– Ай, – воскликнула я. – Ай!

Эмиль смотрел на меня с удивлением и не двигался. По прошествии долгого мгновения он шагнул вперед, открыл дверь, вытянул мою руку, подул на нее, отвел меня на кухню и сунул руку под холодную воду.

- Почему ты ничего не сделал? - икнула я.

- Я забыл, что «Ай» означает по-шведски.

Я смеялась и плакала ему в плечо.

- Юханна, - сказал он, - я тебе не изменяю.

Я заставила себя поверить ему. И потом заставляла еще долго. Позволила обнимать себя и утешать бутербродами и клубникой.

7

Мужественность и честность

Наши отношения начались в марте. Пасмурным днем, когда в Копенгагене моросил дождь и черные ветки за кухонным окном были унизаны жемчужными каплями. Эмиль снимал комнату на втором этаже в коллегииуме - общежитии на бульваре Амагер. Коллежское жильё имеет в Дании давние традиции. Каждый дом предъявляет разные требования к жильцам. Например, в одном таком доме у Круглой башни могли жить только студенты с самыми высокими оценками. Но было у этих общежитий и кое-что общее: студенты селились там по доброй воле. Это был их выбор - уютиться практически на коленях у незнакомцев, согласиться на все эти совместные ужины, ежегодные тематические вечеринки и обязательные беседы за утренней чашкой дорогого кофе, за бутылкой «Туборга», за косяком с травкой, купленной в коммуне хиппи, которая располагалась в десяти минутах езды на велосипеде. Общежитие Эмиля называлось «Квиннерегенс» - женская резиденция. В этом просторном общежитии из красного кирпича до 1970 года могли селиться только девушки. Квиннерегенс был красивым зданием, расположенным в живописном месте. Окаменелости в лестничных ступеньках, витражные окна, запах мела. Одна

сторона дома выходила на бульвар Амагер, другая – на набережную и Кристиансхавн. С балконов открывался вид на золотую спиральную башню церкви Христа Спасителя.

Оказавшись там в первый раз, я не могла поверить, что Эмиль действительно так живет – в комнате с одним большим окном, высоким потолком, аккуратно заправленной кроватью, раковиной и стеной, выложенной плиткой до середины, с крошечной прихожей. У него было два заполненных книжных шкафа, репродукция Мунка на стене (а также зловещий постер с Тинтином в рамке за стеклом) – и, в общем, все. Есть, принимать душ и срать полагалось в общих помещениях, выходящих в коридор. Дверь в туалет примерно на тридцать сантиметров не доставала до пола, как в старинных салунах. Мне хотелось спросить: «Ты правда живешь тут?» и «Это выше моего понимания, но скажи почему?». Мне удалось удержать язык за зубами. Но я до сих пор пребываю в недоумении. Зачем этот молчаливый, относительно закрытый, амбициозный и слегка раздражительный мужчина жил с кучей двадцатилетних гуляк? Я так и не нашла ответа на этот вопрос. Думаю, Эмиль считал, что это самое практичное – и к тому же экономное – решение.

Вернемся к тому мартовскому дню, к капающим крышам Копенгагена, первым приметам весны на серых клумбах. Мы с Эмилем ели бутерброды с сыром, поскольку датский стиль жизни предполагает в любой ситуации есть ржаной хлеб и сыр. И ничего больше. Эмилю не нужны были ни джем, ни масло. Его земляки считали это нормальной едой. Мы были одни в кухне, что случалось не часто. Эмиль долго молчал, рассеянно жуя свой бледный сыр «Эдамер». Наконец я спросила, о чем он думает. Он смутился. Здесь надо сказать, что Эмиль не был умелым соблазнителем. На год моложе меня, высокий и долговязый, с бледной кожей, симметричными чертами лица и красиво очерченным ртом, он писал стихи про страусов и крокусы, мечтательные и образные. «Husk jeg er en krokus»[6 - Помни, я крокус (дат.)], – эта строчка из стихотворения часто приходила мне на ум при взгляде на автора.

Крокус тем не менее был заядлым курильщиком, и, доев бутерброды, мы вышли на балкон, чтобы он подымил. Эмиль обвел взглядом набережную, Кристиансхавн, спиральную башню и сказал:

– Там на кухне ты спросила, о чем я думаю... Я думаю, что люблю тебя.

У него горели щеки. Я ощутила их тепло под моими ладонями.

– И, – спросил он после того, как мы поцеловались, – мы теперь k?rester?

Я ответила, что да, и он сказал:

– Я перееду в Стокгольм.

Занавес.

Казалось, именно об этом я всегда мечтала: чтобы какой-то человек ставил меня на первое место, первее всего остального в жизни. Мне нравились и последствия этого выбора: нам предстояло жить в одном городе. Внешние проявления были столь же важны, как и внутренние. Символы, как пишет Агнета Плейель, не плоды фантазии.

СИМВОЛЫ

но как проститься с человеком?

A DIEU.

Как отрезать еще живую часть самой себя?

МУЖЕСТВЕННОСТЬ И ЧЕСТНОСТЬ.

Когда Эмиль сказал, что планирует переехать в Стокгольм, меня переполняло ощущение радости и значимости, легкое и простое, словно пузырьки от шампанского в носу, и в то же время теплое и надежное, словно натопленная кафельная печь. Только много позже я поняла, как крепко наши отношения повязаны разлуками. Эмиль собирался переехать в конце августа, а весне и лету – где мы находились в тот момент – предстояло стать чередой прощаний на вокзалах, автобусных станциях, по телефону. Каждый раз, уезжая из Копенгагена, я испытывала необъяснимое, безграничное горе. Я выплакала все глаза, пока мы ожидали поезд в Стокгольм на 26-й платформе. Было мучительно смотреть, как состав покидает город и здания с улицами превращаются в далекие кулисы. Самой ужасной была остановка в Каструпе. Радость, которую я испытывала, проезжая аэропорт на пути в Копенгаген, теперь швыряли мне в лицо. Давали понять, что счастье временно, а разлука вечна. Новость о переезде Эмиля была огромным облегчением. Она означала, что мне больше не надо

будет отрезать еще живую часть самой себя.

Но после короткого облегчения пришли сомнения. Внезапно мне вспомнилось, что Эмиль собирался переехать и в Осло тоже. Если бы они с Норой не расстались, сегодня он находился бы в Осло. Жил бы в норвежском общежитии, ходил с мечтательным взором вдоль улицы Карла-Юхана, возможно, в *toppluva* – норвежской спортивной шапке. Судя по всему, мысли о переезде в другие скандинавские столицы давались ему легко. Может, его манила перспектива большого нордического турне.

Эмиль все отрицал.

– Я переезжаю в Стокгольм, потому что действительно хочу быть с тобой, – уверял он.

– Но ты ведь мог сейчас быть в Осло, – упрямилась я.

– Не думаю, что у наших с Норой отношений было будущее. Ничего бы не получилось.

В тот вечер я долго плакала. Плакала из-за Осло, из-за Хельсинки, из-за 26-й платформы на Копенгагенском вокзале, из-за того, что все временно и ничто не длится вечно. Из-за того, что каждые отношения строятся на повторениях. Слова и обещания, которым свойственно быть исключительными, продолжают повторяться. Другими устами, другим людям. Брак должен длиться вечно, но, поскольку мы живем в реальном мире и не властны над вечностью, иногда он длится меньше. Даже моногамия, несмотря на название, повторяема. То, что должно было стать особенным и окончательным, распадается, а потом воссоздается в новой конфигурации. И речь даже не идет о браке или чем-то драматичном. Можно лежать на кровати своего партнера и гадать, сколько там лежало до тебя. И, как я полагаю, ваших отношений это прошлое не касается. Отношения и связи, которые когда-то казались вечными, не должны снижать градус восторга от новых отношений, которые тоже навечно. Может, это уменьшенная версия «навсегда», с коротким послевкусием, но она тоже вселяет надежду. Общение, удовольствие не зависят от того, что было в прошлом. Настоящее не превращается в бледную копию прежних романов, прежних совокуплений, прежней милой свекрови, которая дарила тебе продуманные подарки на день рождения, – и тому подобное. Но, несмотря на все это, все

равно странно быть с кем-то и осознавать: это уже было раньше. То же расстояние до лица другого человека. И есть что-то зловещее в том, чтобы идти по протоптанной другим человеком тропинке. Может, тропинке в саду свекрови. Наверно, это страх, что и тебя могут заменить, что ты никакая не особенная, просто тщеславное *memento mori*

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Покупала одежду на свою зарплату (дат.).

2

Фикой в Швеции называют обычай пить кофе с булочками в середине дня.

3

Всякий раз, когда я нахожу нечто – деталь, факт, недостающий фрагмент истории, – у меня возникает чувство, будто что-то сошлось. Что-то загорается. Бинго! У нас есть победитель! И на мгновение все становится ясным, а затем так

же стремительно приходит осознание, что огромная часть остается и всегда останется тайной (англ.).

4

Дочь любовницы (англ.).

5

Бинго. У нас есть победитель (англ.).

6

Помни, я крокус (дат.).

Купить: https://telnovel.me/ru/frid_yuhanna/nora-ili-gori-oslo-gori

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)